
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ОДИН ЯЗЫК ИЛИ МНОГОЯЗЫЧЬЕ?

Аннотация. Предмет исследования – психологические и культурологические предпосылки возникновения общепланетарного языка. Есть ли потребность в едином планетарном языке? Каким образом он возникнет? А может быть, в современных коммуникационных условиях разумнее слышать все «голоса» и не стремиться к новому эсперанто или языку, который оказался бы наиболее мобильным и массовым? Кто определяет статус единого языка? Важны ли при этом теоретические выкладки лингвистов или все определит политическая воля современных лидеров? Какова судьба языкового наследия малых этносов или социальных общностей, которые оказались на периферии глобального процесса? Не утратит ли человечество несомненные культурные сокровища в результате схождения разных культурных ориентиров? Мы видим, что данная тема провоцирует множество вопросов, требующих безотлагательной рефлексии.

В статье использованы методы психолингвистики, а также достижения философии культуры и философии языка. Применяются приёмы компаративистского исследования.

Мы видим, что проблема, связанная с судьбой языков в эпоху глобализации, актуализирует самые различные философские, социокультурные и лингвистические вопросы. Эта тема не только злободневна, но и содержит в себе значительные концептуальные прорывы. Духовный спор цивилизаций обязывает гуманитарное сознание к серьёзной постановке целого ряда проблем, вызванных глобализацией. В статье ставится вопрос о том, какой язык может взять на себя функции всепланетного общения. Оспаривается целесообразность создания общего коммуникационного кода.

Ключевые слова: психология, философия, язык, культура, коммуникация, общение, глобализация, символ, психология народов, информация.

Review. The research subject is the psychological and cultural grounds for creation of a unified planetary language. Is there a need in a unified planetary language? In what way can it be created? What if it is better to listen to all 'voices' and languages of the modern world rather than to create a new esperanto or a language that would be more flexible and popular with masses? Who defines the status of a universal language? What plays the more important role in the process of creating such a language, theoretical findings of language experts or the political will of modern leaders? What will happen to the heritage of small ethnic groups and social communities on the periphery of the global process? What if the humankind loses cultural treasures when different cultural orientations will become one? As we see, this topic raises a lot of questions that need to be solved as soon as possible. In his research Gurevich has used the methods of psycholinguistics as well as findings of philosophy of culture and philosophy of language. He has also used the methods of comparative research. It is demonstrated that the fate of languages in the epoch of globalization brings out all kinds of philosophical, socio-cultural and linguistic issues. This topic is not only nettlesome but also very important in the conceptual meaning. The spiritual debates of civilizations oblige humanities to state a whole number of problems as a result of globalization. In his article Gurevich also discusses what language could undertake the role of the universal language. He also discusses whether it would be useful to create a universal communication code.

Keywords: psychology, philosophy, language, culture, communication, interaction, globalization, symbol, Völkerpsychologie (psychology of peoples), information.

**Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-03-00350
«Культура как кризис – неудача или возможность?».**

Народы мира устремились в единое цивилизационное русло. Культурные различия отнюдь не кажутся сегодня безграничными. Они исчезают на наших глазах. Культуры перестали быть герметически закрытыми ареалами. Неслыханная миграция населения, в результате которой экзотические духовные веяния опоясали земной шар. Грандиозные кросс-культурные контакты. Межнациональные браки. Экуменические волны. Поиск межрелигиозного вселенского диалога. Таковы векторы глобалистского процесса.

В наши дни уже выглядит курьезом утверждение американской исследовательницы Р. Бенедикт о том, что существует множество культур, в которых чужеземцев не считают людьми. Ей в середине прошлого столетия еще приходилось доказывать, что статус немца ничуть не выше, чем статус араба, что японская культура разительно отличается от европейской. Исследования Р. Бенедикт вызвали интерес американских спецслужб. Военные не могли понять психологию «камикадзе». Их повергала в смятение жестокость японцев. Призвав на помощь антропологов, они рассчитывали понять поведение «диких народов» [1].

Сегодня в тесно переплетённом мире европейцы влияют на мексиканцев и японцев, бразильцы на корейцев, арабы на французов. В разных странах люди все больше пользуются одними и теми же видами транспорта и коммунальных услуг, потребляют одну и ту же пищу, смотрят одни и те же телепередачи, слушают одни и те же новости. Создаваемые современной цивилизацией технологии, товары, услуги, информация, входят в жизнь разных народов, делают их в чем-то похожими друг на друга.

В эпоху глобализации предпринимателю безразлично, во что облачён его работник: в комбинезон или в сари, в шелковую вьетнамскую пижаму или в туникообразную с разрезом косоворотку. Миллионы людей одновременно смотрят сегодня на телевизионном экране выступления политических лидеров, спортивные состязания, народные празднества. Бизнесмены разных стран реализуют совместные проекты далеко отстоящих друг от друга континентов. Глобализация сулит «единое человечье общежитие». Давняя философская идея о движении в общую историю реализуется на наших глазах.

Вполне понятно, что все эти процессы находятся в прямой зависимости от общечеловеческой коммуникации. Какие способы общения могут обе-

спечить общественную динамику: язык или технические средства распространения культуры?

В животном мире система коммуникации отлажена инстинктом. Белому медведю понятны повадки бурого зверя. Орел понимает, что чучело, которое люди создали из его оперенья, не является орлом. Но люди разговаривают на разных языках и далеко не всегда понимают смысл сообщений из другого лингвистического арсенала. Единой системы общения, несмотря на разветвлённый спектр знаков и сигналов, шифров и символов, у людей нет.

Прежде всего, прогнозисты обращают внимание на те языки, которые получили широкое распространение в современном мире. В качестве языка универсального общения эксперты чаще всего называют английский. Имеется даже геополитическое обоснование такого подхода к проблеме. Исторически так сложилось, что у британской короны было много колоний, среди них и Америка. Не случайно английский язык доступен многим народам и даже является в ряде стран вторым государственным. Это в значительной степени облегчает процесс взаимного делового и культурного понимания.

Не удивительно, что долгие десятилетия считалось, будто диалог культур возможен прежде всего на основе английского языка. И в самом деле, трудно представить современный мир без него. Ведь на нем говорят не только жители Великобритании, США, Новой Зеландии и Австралии. Во многих странах, например в Ирландии, Канаде, Либерии английский язык является официальным. С чем связана такая коммуникативность данного языка? Прежде всего, той ролью, которую Великобритания играла когда-то в политическом и экономическом бытии народов. Будучи незначительной по территории, Англия бросила всю свою мощь для того, чтобы «корона» получила новые земли. Так английский язык стал распространяться в Азии, Африке, Австралии и Новом Свете [2].

Есть, вообще говоря, и политические аргументы. После Второй мировой войны, когда Германия оказалась разгромленной, многие страны вообще утратили свое могущество. Зато США, держава, которая не вела боевых действий, стала оказывать многим государствам техническую и финансовую помощь. Можно ли было овладеть техническими новинками без изучения английского языка? Разумеется, нет. К тому же и быт был наводнен англицизмами. Общественные заведения, бары, гостиницы обслуживали посетителей с помощью

английского языка. Да и устроиться на работу легче, если умеешь говорить по-английски.

Наконец, нельзя не указать и на безмерную популярность массовой культуры. Американские политики и эксперты гордятся тем, что их культура распространилась по всему миру. Рассматривая возможности США сохранить за собой ключевую международную миссию, З. Бжезинский, к примеру, называет бесспорную популярность американской массовой культуры. Он писал о том, что повсюду ощущается притягательность многоликой и часто незатейливой американской художественной продукции [3]. Итак, современная жизнь складывается так, что перспективным является знание китайского и японского языков, но самым необходимым все-таки остается английский язык.

Однако распространение английского языка далеко не всегда может рассматриваться лишь как положительный фактор. Когда в Южно-Африканской Республике начались выступления против ущемления прав коренного населения, то повстанцам пришлось выбирать язык общения. Они не могли сплотиться на языке африкаанс, поскольку его связывали как раз с господством белого населения. Местные языки не выполняли своей интегративной функции. Они лишь разъединяли африканские народы. Однако обращение к английскому языку, доступному и понятному многим, разрушало представление о самоидентификации африканских народов. В конечном счете, сложилась крайне противоречивая ситуация, предполагающая выбор в каждой конкретной политической или культурной ситуации.

Даже в странах Общего рынка английский язык утрачивает популярность. Во Франции с 1977 г. действует «Закон о чистоте французского языка», который направлен против английских слов и речений. Активно борются с влиянием английского языка и ирландцы, которым хотелось бы сохранить кельтскую традицию. Выбор английского или любого другого европейского языка может привести к языковой экспансии, к лингвистическому империализму.

Сама проблема в период разветвления современных событий обнаружила множество разночтений. Может ли глобалистский мир учредить планетарный язык только из геополитических соображений, из факта его распространенности, из потребности экономических кругов? Или будут задействованы какие-то глубинные социокультурные основания? Как преобразится сам язык,

доступный и освоенный миллионами, если ему придется вобрать в себя множество конкретных цивилизационных особенностей и различий?

При смене геополитической обстановки легко обнаруживают кризисы коммуникации. «Нынче промышленная, деловая «движуха», – пишет Татьяна Воеводина, – это Азия. Дело даже не в том, что Китай или Индия, или Корея представляют в настоящий момент, куда и с какой скоростью они идут. Быстро идут. В Китае многочисленный, непритязательный, готовый трудиться за малую денежку народ. И страна быстро преобразуется» [4, с. 9]. Азиатско-Тихоокеанский регион развивается быстрее, чем остальные части мира. Раздаются даже голоса о том, что именно Поднебесная представляет сегодня «новое человечество».

В средние века, как известно, китайцы побывали во всех уголках Европы. Европейцы тоже хотели тогда расширить собственное пространство. Они послали три каравеллы на поиски Нового Света. Но китайцы в это время имели более 3000 океанских судов, располагали неоспоримой мощью. При определенных условиях, учитывая геополитический фактор, европейцам пришлось бы говорить на китайском языке. Однако жители Поднебесной решили, что в этих краях нет ничего интересного, и удалились за Великую Китайскую стену [5, с. 10].

В наши дни Китай претендует на статус такой державы, которая может бросить вызов мировому господству США. Поговаривают о конце однополярного мира, о скором крахе доллара, об окончательном разрушении европоцентризма. Сохранит ли свои позиции английский язык в новой геополитической обстановке свою коммуникационную роль? Что сулит человечеству обращение к Востоку?

К примеру, мусульманская культура оставила глубокий след в истории человечества. Но она осталась при этом в рамках собственного культурного духа, не утрачивая лингвистического разнообразия [6, с. 229]. Языковые семьи неравноценны например, на языках китайско-тибетской семьи говорит около миллиарда человек, на кетском же языке (обособленная семья) – около одной тысячи, а на юкагирском языке (тоже обособленная семья) – менее 300 человек (и кеты, и юкагиры – малые народности России. Одной из самых больших, разветвленных и всесторонне изученных является индоевропейская языковая семья. Какие неожиданности возможны при таком раскладе?

Единый язык

А может быть, ни один из языков не имеет особых предпочтений? Не исключено, что глобализация предполагает вообще создание особого единого языка, а вовсе не вручение верительных грамот одному из них? Но тогда о чем речь – о живом процессе языкового творчества или о проектировании и реконструкции языкового наследия?

Большинство экспертов считают, что межгосударственным языком должен стать язык сконструированный, не имеющий откровенных имперских притязаний. Он обязан функционировать в сфере межгосударственных отношений и в сферах, которые эти отношения обслуживают (почта, телеграф, телефон). Не следует ему также вытеснять национальные («этнические») языки. В то же время такой язык не должен быть предельно искусственным, созданным, как говорится, из реторты. Хорошо, если его лексическую основу составят слова, которые уже наличествуют в других языковых системах.

Но может ли такой сконструированный язык стать средством живого общения? На это потребуются по крайней мере жизнь трех поколений, и то при условии, что созданная языковая система станет функционировать во всех сферах. Он должен также обнаружить нейтральность по отношению к государственным языкам всех стран. Важно также, чтобы существующие языки (немецкий, итальянский, английский, французский, нидерландский, датский, ирландский) соотносились с общеевропейским языком как диалекты и литературный язык. В качестве схемы можно помыслить, скажем, соотношение франкского, баварско-алеманского диалекта и литературного немецкого языка. Можно также желать, чтобы такой язык был прост фонетически.

Однако всех этих условий недостаточно, если речь идет о языке не только общеевропейском, но и общечеловеческом. Эта тема имеет солидные историко-философские традиции. Вопрос о том, возможен ли в принципе единый язык человечества, обсуждался в эпоху Просвещения. Мыслители той эпохи не сомневались в том, что человечество вынуждено реализовать эту идею, чтобы иметь совершенное средство общения и выражения человеческих знаний. Базой для этого процесса мыслители считали философию. Только она может интегрировать общее знание, накопленное человеческим родом. Но такую интеграцию не способен

обеспечить естественный языковой процесс. Когда В. Гумбольдт анализировал мексиканский язык, ему и в голову не могла придти мысль, что какой-нибудь неевропейский язык может претендовать на универсальность.

Хотя языки в целом имеют одно и то же строение, однако каждый из них отличается своеобразием. В эпоху Просвещения мир Востока все еще воспринимался как экзотический. Он постепенно становился ареалом особой таинственной культуры. Но возможен ли единый, планетарный язык? На этот вопрос В. Гумбольдт отвечал отрицательно. Он писал: «И желание объединить все эти языки в одном общем языке и таким образом связать воедино все его рассеянные преимущества было бы совершенно химерическим предприятием» [7, с. 360].

Тем не менее, систему человеческих понятий можно свести к набору элементарных единиц. Стало быть, единый язык придется изобретать. В. Лейбниц полагал, что все сложные понятия состоят из простых «атомов смысла». Комбинация этих единиц позволит выражать сложные абстрактные материи. Все эти соображения не были бесплодными или досужими. Идея формализованного языка обеспечила направленный толчок к развитию символической логики, кибернетики.

Если создание единого языка – химера, как считал В. Гумбольдт, тогда планетарным языком может стать тот, который овладел мировыми просторами и имеет неоспоримую силу? Однако погружение в лингвистическую стихию не расставалось с мыслью о динамичном процессе общего живого языка. Оно получило своеобразное концептуальное обоснование. В первую очередь заговорили о том, что такой язык уже существовал, что он объединял разные народы и культуры.

Исследователи и в наши дни отмечают, что наличие в прошлом праязыка подтверждается логикой традиционализма. Ведь Изначальная Традиция должна была иметь какое-то лингвистическое выражение. Люди говорят на разных языках, и это подчас делает коммуникацию предельно трудной или вовсе невозможной. В пучине давних эпох, как полагают традиционалисты, все языки имели общий фундамент. К такому выводу побуждает анализ предельно архаичного пласта всех языков мира.

Об этом же свидетельствует и Библия, которая вобрала в себя древнее знание Востока, Запада, Севера и Юга. «На всей земле был один язык и

одно наречие» (Бытие II, I). В дословном научном переводе это звучит еще более точно: «И были на всей земле язык один и слова одни и те же». Начало минувшего столетия ознаменовалось интенсивным изучением этой проблемы. Так, итальянский филолог Альфред Тромбетти (1866-1929) привел убедительные аргументы в пользу моногенеза языков. Почти в то же самое время датский ученый Хольдер Педерсен (1867-1953) доказал родство индоевропейских, семито-хамитских, уральских, алтайских и ряда других языков. Известны также размышления Н.Я. Марра о происхождении языков из четырех первоэлементов.

Гораздо труднее доказать противоположную версию, согласно которой каждый язык имеет собственное происхождение. Неизмеримо больше оснований видеть, что разные языки, тем не менее, имеют некую общую основу. В наши дни известны различные модели праязыка, к которым тяготеют лингвистические и символические системы. Можно, допустим, сослаться на версию, которая была чрезвычайно распространена в эпоху средневековья. Она покоилась на убеждении, что таким праязыком был древнееврейский. Различные каббалистические школы строили свои вводы именно на этой гипотезе. Протосимволизм пытались отыскать в египетской традиции. Исследователи этой традиции убеждены, что огромное разнообразие языков, несомненно, имеет общую формулу, общую модель. Косвенное подтверждение эксперты находят и в Библии, где отмечается, что до вавилонского смешения существовал единый язык.

Исследователи отмечают, что будто бы Гермону Вирту удалось расшифровать священный праязык человечества. Предпосылкой к разгадке тайны стала для Вирта историко-географическая рекон-

струкция первых веков человечества. По мнению этого ученого, колыбелью человечества были арктические края. Кстати, эта версия согласуется с холистским представлением Р. Генона о северном происхождении человека. С севера цивилизация распространилась к югу. Данный концепт оценивается как прорывной, дающий колоссальные возможности для разгадки праязыка.

Однако в языкознании и культурологии есть мнение, что единого мирового языка никогда не было и нет смысла его искать. Судя, по всему, на конкретном этапе исторической динамики сложились единые языки для отдельных культурных ареалов: : древнегреческий (койне), латинский, церковнославянский, классический арабский, санскрит, пали, классический тибетский, древнекитайский (вэньянь) и др. Эти языки обладали межгосударственным статусом. Кое-какие языки, например, классический арабский, санскрит, еще не утратили своего значения. Однако мировое развитие следует другим курсом [8].

В современном языкознании укоренена идея о том, что единый язык может быть восстановлен. Однако даже если допустить такую возможность, то возникает вопрос: может ли такой воскрешенный код стать приемлемым для эпохи глобализации? Попыты внедрения искусственного или естественного языка, как правило, была обречены на неудачу. К тому же вполне очевидно, что восстановленный в своих правах протоязык будет весьма далек от современных реалий. Разностороннее содержание информационной эпохи не получит в нем надлежащего отражения. Следовательно, есть все основания оставить эту тему специалистам-лингвистам, а для поисков глобалистической модели коммуникации обратиться к другим источникам.

Список литературы:

1. Бенедикт Рут. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 256 с.
2. Спирина Э.М. Универсальный язык глобалистики // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. 2012. № 1(9). С. 34-45.
3. Бжезинский Збигнев. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.
4. Воеводина Татьяна. Пионеры и пенсионеры. С кем нам сегодня по пути, если мы хотим двигаться вперед? // Литературная газета. 2014. № 48. С. 9.
5. Уроки украинского. Как России заставить считаться с собой во всем мире. (Интервью с С.А. Карагановым) // Аргументы и факты. 2014. № 50. С. 10.
6. Аль-Джаноби М.М. Философия мусульманского культурного духа // «Рассыпанное» и «собранное»: стратегии смыслового пространства в арабо-мусульманской культуре / Отв. ред. А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра»; Языки славянской культуры, 2015. 400 с.
7. Гумбольдт В. Опыт анализа мексиканского языка // Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
8. Алпатов В.М. Американизация японского и русского общества по языковым данным // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. Очерки, исследования, разработки / Отв. ред. и сост. А.М. Петров. М.: Муравей, 2001. 703 с.

9. Гуревич П.С. Язык как сокровище идеологии // *Философия и культура*. 2015. № 1(85). С. 7-11.
10. Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 191 с.
11. Гуревич П.С. Перевоплощение текста в идеологию // *Философия и культура*. 2013. № 4(64). С. 423-428.
12. Гуревич П.С., Буева Л.П., Егорова И.В. «Нужна ли нам идеология?» в рубрике «Круглый стол» // *Вестник аналитики*. 2014. № 1(55). С. 99-120.
13. Спирина Э.М. «Протез духовности». О книге Т. Адорно «О немецкой идеологии» // *Вестник аналитики*. 2014. № 2(56). С. 152-155.

References (transliteration):

1. Benedikt Rut. *Khrizantema i mech: Modeli yaponskoi kul'tury*. М.; СПб.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013. 256 s.
2. Spirova E.M. *Universal'nyi yazyk globalistiki // Vek globalizatsii. Issledovaniya sovremennykh global'nykh protsessov*. 2012. № 1(9). S. 34-45.
3. Bzhezinskii Zbigneу. *Vybor: mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo*. М., 2006.
4. Voevodina Tat'yana. *Pionery i pensionery. S kem nam segodnya po puti, esli my khotim dvigat'sya vpered?* // *Literaturnaya gazeta*. 2014. № 48. S. 9.
5. *Uroki ukrainskogo. Kak Rossii zastavit' schitat'sya s soboi vo vsem mire. (Interv'yu s S.A. Karaganovym)* // *Argumenty i fakty*. 2014. № 50. S. 10.
6. Al'-Dzhanabi M.M. *Filosofiya musul'manskogo kul'turnogo dukha // «Rassypannoe» i «sobrannoe»: strategii smyslovogo prostranstva v arabo-musul'manskoi kul'ture / Otv. red. A.V. Smirnov*. М.: ООО «Sadra»; *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, 2015. 400 s.
7. Gumbol'dt V. *Opyt analiza meksikanskogo yazyka // Gumbol'dt Vil'gel'm fon. Yazyk i filosofiya kul'tury*. М.: Progress, 1985. 451 s.
8. Alpatov V.M. *Amerikanizatsiya yaponskogo i russkogo obshchestva po yazykovym dannym // Rossiiskoe vostokovedenie v pamyat' o M.S. Kapitse. Ocherki, issledovaniya, razrabotki / Otv. red. i sost. A.M. Petrov*. М.: Muravei, 2001. 703 s.
9. Gurevich P.S. *Yazyk kak sokrovishche ideologii // Filosophiya i kul'tura*. 2015. № 1(85). S. 7-11.
10. Adorno T. *Zhargon podlinnosti. O nemetskoй ideologii*. М.: «Kanon+» РООИ «Реабилитация», 2014. 191 с.
11. Gurevich P.S. *Perevoploshchenie teksta v ideologiyu // Filosophiya i kul'tura*. 2013. № 4(64). S. 423-428.
12. Gurevich P.S., Bueva L.P., Egorova I.V. «Nuzhna li nam ideologiya?» в рубрике «Kruglyi stol» // *Vestnik analitiki*. 2014. № 1(55). S. 99-120.
13. Spirova E.M. «Protez dukhovnosti». О книге Т. Адорно «О немеской идеологии» // *Vestnik analitiki*. 2014. № 2(56). S. 152-155.